

Глава 1. Пробуждение (1): Жажда.

В первый раз, когда я открыл глаза, тьма была всем, что я видел. Влажный темный потолок моей пещерной камеры приветствовал меня во всем своем скучном великолепии. Я понятия не имел, где я был или кем я был в этом отношении. Это был просто опыт для меня. Я осмотрелся внимательно внутри пещеры, чтобы понять, что я единственный в ней, соломенная кровать была подо мной, поскольку моя единственная компания почти ничего не делала, чтобы предоставить мне комфорт или дать ответы на мою ситуацию.

Это был ужасный опыт для меня. Я не мог понять, где я, не говоря уже о том, что зуд так сильно раздражал мое горло, и как бы я ни старался прочистить горло, он никуда не уходил.

Я огляделся в темноте, я знал, что не было никакого света или освещения любого рода. Но я все еще мог видеть, как будто там был дневной свет. Мои глаза заметили железные прутья моей камеры и твердый неровный пол, который поддерживал ее. Камера была больше, чем я думал. Не то чтобы я был во многих камерах в течение пяти минут бодрствования, но я просто чувствовал инстинктивную признательность за то, как она была построена.

Мои ноги коснулись холодного пола, и я мог чувствовать отдельные песчинки и камни под моими ногами с почти, если не с полной, то с неестественной точностью. Я почувствовал вкус воздуха на своем языке, почувствовал, насколько тяжелым он был с запахом лимона, металла, травы и крови. Много крови, я чувствую, как она смешалась между запахом пота, слез и гноящихся ран.

Мое сердцебиение участилось, становилось все быстрее. Мой слух улучшился до такого уровня, что я мог слышать дыхание, много резких вдохов и хрустящих выдохов. Я слышал их всех, миллионы, когда сухой ветер доносил их крики по этому месту.

Дверь камеры открылась, и я испуганно отскочил назад, двигаясь так быстро, что был полностью дезориентирован, и приземлился в кучу запутанных конечностей на моей кровати из сена. Я представлял собой жалкое зрелище, но не более, чем тот, кто стоит сейчас передо мной.

Его светлые волосы были настолько испачканы сажей и грязью, что их первоначальный блеск уже был потерян. Я мог видеть это только потому, что мои глаза могли различить отдельные фолликулы и пряди, которые составляли его волосы. Он держал чашу с чем-то, что пахло очень вкусно, но не так хорошо, как пахло от него. Я мог слышать звук фонтана, стремительного и текущего, своего рода ритмичный стук, который был настолько гипнотическим, что я не мог не двигаться в ритме звука.

«Бум, бум, пауза, бум, бум»

Это был самый опьяняющий звук, который я когда-либо слышал, один из немногих звуков, которые я когда-либо слышал.

Я хотел, я очень хотел почувствовать его источник, я хотел услышать, как он ускоряется, и я хотел услышать, как он замедляется и останавливается. Чтобы замолчать навсегда. Я атаковал в безрассудстве перемещаясь в прыжке, у которого была такая сила, что земля под ногами лопнула на осколки, как гнилое дерево. Я преодолел расстояние между мной и моим бум, бум, руки вытянуты, рот широко раскрыт, а язык свисает из рта, как у задыхающейся собаки.

Я предвидел удар, но ничего не мог сделать, чтобы избежать его. Я был быстрым, да, но этот

человек был быстрее. Его кулак, покрытый перчаткой из сверкающего серебра, врезался в боковую часть моего виска и швырнул меня, как тряпичную куклу, в другую сторону камеры. Моя спина и голова ударились о каменную стену, оставив будущим жителям вмятину, которую они могли бы видеть.

Это больно, но не так сильно, как жгучая боль, которая распространялась от того места, где мужчина ударил меня по виску. Я чувствовал, как она течет сквозь мое тело, так как боль была настолько сильной, что я почувствовал, как слезы и кровь каплют из моих глаз. Меня трясло в конвульсиях, как рыбу, выброшенную из воды, когда боль охватила все мое тело, прежде чем она наконец прекратилась. Мужчина подошел ко мне и уронил чашу, которую он держал передо мной. Она была наполнена кровью, но я был уставшим и потратил все свои прежние силы, чтобы вообще что-то сделать.

«Не волнуйся, ты привыкнешь. Как и все они».

С этими словами он покинул мою камеру, заперев ее за собой, когда уходил. Я застрял там слабым, беспомощным, не имея ничего, кроме как задаваться вопросом, если бы у меня не было другого выбора, кроме как привыкнуть к этой боли. Это не звучало привлекательно, ни капельки.

Я не помню, как долго я лежал там беспомощно. Но эта боль была для меня новинкой, поэтому я понятия не имел, как ее уменьшить. На самом деле все было расплывчато, и все мои чувства также были ошеломляющими. С того места, где я лежал, я мог видеть свое правое запястье. На моей коричневой коже были вытатуирован символ.

Я не понимал его функции или того, как он туда попал, но меня действительно бесило, что этот символ движется. Он обвился вокруг моего запястья, как браслет, и продолжал двигаться кругами как змея, преследующая свой собственный хвост.

Когда я наконец смог добиться контроля над своим телом, первым делом я выпил чашу с кровью.

Сначала я не хотел, потому что это кровь. Но зуд в горле стал настолько сильным, что я очень хотел избавиться от него любыми возможными способами.

Это было божественно, когда я пил эту кровь, все усиливалось, и я закрыл глаза, когда через меня пронесся экстаз, создавая ощущение, которого я никогда раньше не испытывал. Мои глаза закатились, и я ощутил волну за волной, это было чистое удовольствие. Но это было ненадолго.

Лишь на несколько минут, но как только я открыл глаза, мой зуд исчез, мои хлопковые брюки, которые были не более чем тряпками, в пятнах как навес, а передняя часть была влажной, заставляя меня задуматься, не испачкался ли я в своих муках страсти.

Мне действительно не понравилось, что со мной сделала эта кровь, но теперь ничего нельзя было с этим поделать. Я потащил свое все еще приподнятое тело обратно к соломенной кровати. Спокойно и энергично, как я себя чувствовал, я был психически измотан, но, когда я лежал там, сон не наступал, поэтому я был занят изучением татуировки, которая танцевала вокруг моего запястья.

Это было очень интересно, но у меня было смутное ощущение, что такого не должно быть на

моем запястье. И что как бы элегантно это не выглядело, это все равно было чем-то очень опасным. Но из-за того, что мне ничего не оставалось, я мог только смотреть на него и чувствовать. Где-то около седьмого часа бодрствования я мог начать чувствовать татуировку, когда она двигалась, она жужжала и вибрировала, и она гудела с силой, которую я не мог понять. Чувство усиливалось с течением времени, и вскоре наступили дни, когда зуд снова вернулся, и на этот раз он был более интенсивным, чем раньше.

Было больно и это раздражало меня. Я царапал и хватался за горло, оставляя кровавые шрамы на моей коже. Кровь стекала ручейками, но я не заметил этого, так как моя кожа была залечена, а раны исчезли. Я бегал внутри своей камеры, бился о стены, звал кого угодно, кто мог выслушать мой гнев и голод. Это была пытка.

Примерно в один из тех дней этот человек вернулся. На этот раз с другой чашей крови. И, как и в первый раз, звук биения его сердца и его крови, бьющей по венам, был таким интенсивным, даже больше, чем в первый раз, когда он был здесь. Я не знал, почему, но у меня просто было желание погрузить зубы в его шею.

И так же, как в первый раз, я напал на него. И он все еще задержал меня в воздухе одним взмахом кулака, как будто я был не более чем помехой. Его серебряные перчатки горели так же, как в первый раз, мое тело исказилось от боли. Слюна, слезы и слизь текли из моих глаз, когда жжение танцевало по моим венам, словно дикий огонь.

Мужчина уронил чашу с кровью передо мной, собирая кусочки предыдущей, которую я разбил в дребезги от голода. Когда он уходил, он дал мне совет.

«Вы должны рационализировать свой рацион питания. В этом месте нет обилия крови, поэтому вы должны принимать ее немного за один раз до наступления следующего дня кормления. Это поможет вам справиться с голодом».

Конечно, я не слушал его. Как только я смог двигать своим телом, я опустил все содержимое чаши в горло, желая, чтобы болезненный зуд прекратился в моем горле. Я снова прокатился на волне, не заботясь о своей пропитанной кровью хлопковой рубашке, лежащий там в кататоническом состоянии и пьяным.

Мне потребовалось пройти через невыносимые муки голода еще четыре раза, прежде чем я воспользовался советом моих кормильцев и научился брать кровь в небольших количествах и оставлять ее на потом. Но даже тогда этого было мало, так как продолжительность между приходом новой чаши всегда была длительной, а иногда и очень длительной.

Я понятия не имел, как долго я пробыл в этой камере. Это было все, что я когда-либо знал, и я иногда задаюсь вопросом, было ли это все, что я мог знать. Единственное, что изменилось, был мой кормилец. Он приходил и уходил по своему усмотрению. Он дал мне совет о том, как выжить, и дал расплывчатые слова и предложения, которые, казалось, подразумевали, что он знал меня. Однажды он сказал:

«Вы этого не заслуживаете».

"Не заслуживаю чего?"

Я спросил, это было первое слово, которое я когда-либо сказал.

Он повернулся и посмотрел на меня с выражением жалости ко мне. Казалось, он собирался что-то сказать, но он внезапно ушел, оставив мне еще больше вопросов. На самом деле это был

первый раз, когда я почувствовал необходимость что-то узнать.

Чтобы понять, что он имел в виду.

Каждый раз после того дня, когда он приходил кормить меня, я пытался задавать ему вопросы, пытался заставить его рассказать, что он имел в виду. Пока однажды я не задал ему вопрос, который так шокировал его, что он был вынужден ответить на мои вопросы. Я спросил его.

"Как тебя зовут?"

Он резко поднял голову с острым взглядом в глазах.

"Ты не знаешь, кто я?"

"Я должен?" Я спросил в замешательстве.

«Превращение могло бы быть стрессовым, но тебе не составит труда вспомнить, кто я такой».

«Не льсти себе, я ничего не помню. Единственное, что я помню, это то, что я просыпаюсь здесь, и тьма много-много темноты».

Я говорил приглушенным тоном.

Вопрос о моих воспоминаниях или о том, что я вспомнил до того, как проснулся, был для меня депрессивным опытом. Каждый раз, когда я думал об этом, я не мог избавиться от чувства вины и потери.

"Ты уверен, что ничего не помнишь?"

- Спросил мой кормилец, его голос был безумным и отчаянным. -

Я был очень раздражен его непрекращающимся допросом. Сколько раз я должен был объяснить этому парню, что ничего не могу вспомнить. Он идиот или что-то в этом роде.

"Я сказал, что ничего не помню!!!"

Я сорвался на него.

Он казался удивленным моим внезапным всплеском, а потом я впервые увидел его улыбку. Улыбка была не такая уж и большая, его губы просто немного изогнуты в веселье, когда он выпустил почти незаметный смех. Я слышал, как он шептал себе под нос.

«Все такой же вспыльчивый, как я и помню».

Затем он повернулся ко мне и сказал.

«Меня зовут Асаре Солага, я служил твоему отцу. А тебя зовут Кайл... Кайл Кор. Но я боюсь, что это все, что я могу сказать тебе, не подвергая тебя опасности. Лучше бы ты забыл, кем ты был до того, как очнулся здесь. Тогда у тебя будет меньше врагов и ты сможешь сделать что-то из этой бессмертной, но проклятой жизни, которая была навязана тебе».

А потом он остановился. Зная, его имя, все было хорошо и прекрасно, даже зная, что мое имя было потрясающим поворотом событий, но почему у меня теперь было больше вопросов. Какие враги, какой отец и какого черта слуга. Я задавал все эти вопросы и даже больше, но он уже

уходил. Перед тем, как его фигура ушла через открытую дверь камеры, он сказал.

«Только ты можешь ответить на эти вопросы. Но, к сожалению, эти ответы больше не в твоей голове. Так что в ваших интересах забыть об этом. Тебе нужно немного отдохнуть, завтра я вернусь и научу тебя всему, что тебе нужно, чтобы выжить. Ты не задержишься здесь надолго».

А затем он ушел, но тишина, которая осталась после его ухода, казалось удушающей. Первый разговор, который у меня был с тех пор, как я проснулся, и это расстроило меня.

Хотя Асаре не казался человеком, который много говорит, я должен был признать, что ожидал от него гораздо большего. Я лежал на соломенной кровати, глядя на скучную крышу камеры и произнося свое имя в тишине, наблюдая за тем, как татуировка вращается вокруг моего запястья. Мне было интересно, кто такой Кайл Кор, прежде чем открыл глаза в этой камере. И мне было интересно, есть ли какая-то связь между тем, кто я и татуировкой на моем запястье. Мне было интересно о многих вещах.

<http://tl.rulate.ru/book/22548/468204>